

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

Е.В. Гарусова

«АДЕКВАТНОСТЬ» И «ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ» В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ ПЕРЕВОДА

В теории перевода используются понятия «адекватность» и «эквивалентность», причем ряд ученых считает их синонимичными и равнозначными друг другу, многие используют только одно из понятий, а некоторые трактуют их как различные. По мнению А.А. Смирнова, адекватным может считаться только такой перевод, в котором переданы все намерения автора, с соблюдением всех применяемых автором ресурсов образности, ритма, колорита и т.д. [10: 23]. Г. Вермеер и К. Райс рассматривали «эквивалентность» как отношение между отдельными знаками или целыми текстами, а «адекватность» как соответствие выбора языковых знаков на языке перевода тому измерению исходного текста, которое избирается в качестве основного ориентира процесса перевода [21: 252].

А.В. Федоров и Я.И. Рецкер, разработавшие концепцию полноценного (адекватного) перевода, определили следующие качества адекватного перевода: 1) исчерпывающая передача смыслового содержания текста; 2) передача содержания равноценными (т.е. выполняющими функцию, аналогичную выразительной функции языковых средств подлинника) средствами [9: 75].

Ряд ученых считают, что понятие адекватного перевода является более широким, чем понятие эквивалентного перевода [6: 125]. «Эквивалентность», категория более специфичная и узкая, как правило, означает достаточно близкое соответствие двух текстов [11: 109]. М.М. Михайлов выделил адекватный перевод как промежуточное звено между буквальным и вольным переводом. По словам Т.А. Казаковой, полностью эквивалентный перевод невозможен, так как разные языки отличаются по грамматическому строю, по количеству слов, не говоря уже о различии культур, что также влияет на способ и результат перевода [4: 153].

Вопросы эквивалентности актуальны преимущественно для европейской теории перевода, работающей с индоевропейскими языками. При переводе на восточные языки все эти понятия перестают работать, поскольку культура организована принципиально иначе, и под переводом культура понимает то, что хочет видеть и принять [13: 83].

Понятия «эквивалентность» и «адекватность» рассматриваются в европейской традиции не только в рамках лингвистических теорий, поскольку исторически это самые актуальные для теории перевода понятия, они обсуждаются в настоящее время в широком контексте, учитывающем не только лингвистические, но и многие другие факторы. В этом ракурсе выполнены работы таких исследователей, как А. Нойберт, Ю.

Найда, М.А.К. Хэллидей, С. Росс, Г. Егер, Дж. Кэтфорд, Дж. Хаус, Г. Тури и А. Лефевр.

Лингвокультурологическая теория перевода позволяет учитывать не только языковые, но и культурологические факторы, которые оказывают значительное влияние на перевод. Сам по себе учет этих равнозначимых факторов допускает более широкий подход к эквивалентности, в рамках которого возможна разная мера вариативности перевода.

История понятия «эквивалентность» началась с деятельности Ю. Найды, однако сначала развивался лингвистический аспект этого понятия, связанный с формальной эквивалентностью. То, что эквивалентность, понимаемая с этой точки зрения, не объясняет всего многообразия переводов, произведенных за многовековую историю переводческой деятельности, заставило исследователей обратить внимание на динамическую составляющую теории Ю. Найды. Перевод, понимаемый динамически, и динамическая эквивалентность позволяют говорить о вариативности и установлении критерия динамической эквивалентности для каждого перевода в связи с динамическими условиями, в рамках которых этот перевод создавался.

Ю. Найда, который руководил американским библейским обществом и практически занимался переводом Библии на разные экзотические языки, впервые предложил рассмотреть эквивалентность не только с лингвистической точки зрения; тем самым он заложил основы лингвокультурологической теории эквивалентности, хотя она получила развитие гораздо позже. Ю. Найда предложил различать два вида эквивалентности: формальную и динамическую. Он отмечал, что, поскольку не существует двух идентичных языков, ни по значениям, которые выражают те или иные символы, ни по правилам организации этих символов в предложения, естественно, что между языками не может быть точных соответствий, поэтому совершенно точный перевод невозможен. Общее воздействие перевода может оказаться очень близким к воздействию оригинала, но идентичности в деталях быть не может, поэтому процесс перевода невозможно представить себе без какой-либо доли переводческой интерпретации. В некоторых переводах ставится цель не столько передать информацию, сколько создать у читателя перевода приблизительно такое же настроение, как и у читателя оригинала. С помощью перевода переводчик может также стремиться вызвать определенный тип поведения. В таких случаях он будет ставить своей целью достижение как можно большей степени понятности текста и будет менять некоторые мелкие детали, чтобы читатель смог понять все значение сообщения для его собственных обстоятельств [7: 117]. Таким образом, идея формальной эквивалентности разрабатывалась лингвистической теорией, а динамическая эквивалентность стала центральной в лингвокультурологической теории, фактически отрицая саму идею эквивалентности за счет введения динамических компонентов.

Введение понятия «динамическая эквивалентность» связано, очевидно, с тем, что в реальной деятельности по переводу сакральных текстов на

редкие языки Ю. Найда столкнулся с ситуациями, где формальная эквивалентность перевода не приводила к необходимому коммуникативному эффекту. Формальная эквивалентность, как ее определяет Ю. Найда, «ориентирована на оригинал», при этом цель состоит в обеспечении возможности непосредственного сопоставления разноязычных текстов. При формальной эквивалентности обязательным является сохранение части речи при переводе, отсутствие членения или перестановки членов предложения оригинала, сохранение пунктуации, разбивки на абзацы, а также применение принципа конкорданса (т.е. перевод определенного слова всегда одним и тем же соответствием). Кроме того, все идиомы калькируются, любые отклонения от буквы оригинала объясняются в сносках и т.п. В этом случае речь идет о буквальном подстрочном переводе, который применим для ряда переводческих целей.

Динамическая эквивалентность, в свою очередь, «ориентирована на реакцию рецептора» и стремится обеспечить равенство воздействия на читателя перевода и оригинала. При этом происходит адаптация лексики и грамматики, чтобы перевод звучал так, «как сам автор написал бы на ином языке». Перевод, цель которого создать динамическую эквивалентность, базируется на принципе «эквивалентного эффекта». Перевод по принципу динамической эквивалентности имеет своей целью полную естественность способов выражения, а получателю предлагается модус поведения, релевантный контексту его собственной культуры [7: 119].

Между двумя полюсами перевода (строгой формальной эквивалентностью и полной динамической эквивалентностью) имеется целый ряд промежуточных типов, представляющих различные виды литературного перевода. Именно эта идея и допускает возможность вариантных решений в зависимости от избранной переводческой позиции и объясняет появление нескольких вариантов перевода одного и того же текста.

Симпатии автора этой концепции явно на стороне динамической эквивалентности. Задачей перевода Ю. Найда считает создание на языке перевода «наиболее близкого естественного эквивалента» («the closest natural equivalent») тексту оригинала. Тем не менее, «естественный эквивалент» тоже не вполне определен, поскольку само понятие носит дескриптивный характер и не позволяет объективно оценивать меру «естественности», поскольку «естественность» объясняется, как правило, с точки зрения авторитетной исходной культуры. Стоит считаться и с тем обстоятельством, что фактической эквивалентности в условиях отдаленных культур добиться практически невозможно, так как разные культуры «берут» и осваивают одно и то же явление по-разному.

Недопустимость буквального перевода Ю. Найда доказывает с помощью понятия «информационная нагрузка». Он считал, что буквальный перевод перегружает сообщение информацией с высокой степенью неопределенности, необычности форм, затрудняя декодирование. Для достижения своей цели переводчик должен постоянно

ориентироваться на реакцию реципиента, хотя стоит отметить, что не всегда эту реакцию можно предопределить.

Предполагается, что необходимое воздействие на реципиентов перевода можно обеспечить лишь при условии, что текст перевода не будет содержать чуждых для них культурно-этнических фактов или основанных на этих фактах ассоциаций, т.е. принцип динамической эквивалентности дополняется требованием существенной адаптации перевода к принимающей культуре. Однако это требование представляется нам слишком жестким, и в этом случае перевод не будет способствовать обогащению культуры перевода, когда «чужое» берется как «свое», хотя такая переводческая позиция достаточно распространена в переводческой деятельности и такого рода переводы часто встречаются в художественной литературе.

Очевидно, что формально-эквивалентный перевод не может быть естественным, а наибольшая близость определяется в концепции Ю. Найды, прежде всего, равенством реакции реципиентов, что возможно лишь при динамической эквивалентности [7: 119]. По-видимому, уже сам термин «формальная эквивалентность» подразумевает некую неестественность этого вида эквивалентности, и даже некоторую ущербность по сравнению с динамической эквивалентностью. Однако динамическая эквивалентность понимается автором этой концепции в очень широком смысле, и её критерии не вполне определены.

Именно динамическая эквивалентность должна, по мнению Ю. Найды, обеспечить выполнение главной функции перевода – полноценной коммуникативной замены текста оригинала. При этом самым важным неизбежно становится ориентация на реципиента. В переводах, ориентированных на динамическую эквивалентность, внимание направлено не столько на исходное сообщение, сколько на реакцию получателя, причем, поскольку культурные расхождения делают аналогичную реакцию практически невозможной, это создает предпосылки для некоторого «репертуара реакций», т.е. для разных переводческих позиций. Можно описать перевод в рамках динамической эквивалентности как «самый близкий естественный эквивалент исходного сообщения». Одно из требований к такому переводу – приспособление перевода к языку, на который он делается, а также к соответствующей культуре. Соблюдение этого требования должно привести к тому, что в переводе не будет заметно никаких следов иностранного происхождения [7: 129]. Эта идея полностью противоречит идее Ф. Шлейермахера и сама по себе предполагает различия перевода и оригинала.

Понятия «формальной» и «динамической» эквивалентности фактически соответствуют ориентации на исходную и принимающую культуры, признаваемой большинством переводоведов, что само по себе уже является переводческим позиционированием. По сути, речь идет не о выборе того, какая позиция предпочтительнее как единственно возможная для перевода данного текста по принципу «или/или», а о возможности сосуществования позиций «и/и», а значит и возникновения и

параллельного сосуществования в принимающей культуре нескольких вариантов перевода, выполненных с разных переводческих позиций.

Наиболее четко эта ориентация выражена в часто повторяемом тезисе: традиционный вопрос – «верен ли перевод?» – нуждается в уточнении – «для кого?» [7: 129]. Однако здесь не вполне понятно, что Ю. Найда понимает под «ориентацией на рецептора». Это положение очень широкое и размытое, поскольку аудитория перевода неоднородна.

Введенное Ю. Найдой понятие «динамической эквивалентности», метафорическое по своей сути и представляющее собой альтернативу «формальной эквивалентности», означало, по сути, отказ от принципа лингвистической эквивалентности как таковой и переход на другие, лингвокультурологические позиции, где так называемый «экстралингвистический фактор» оказывался определяющим и речь при этом шла об оппозициях: культура 1 – культура 2, аудитория 1 – аудитория 2. «Динамическая эквивалентность», предполагающая учет всех дихотомических факторов, на деле означает отказ от лингвистической эквивалентности как таковой, понимаемой как равенство одного текста другому, как замена одного текста другим. «Динамическое равенство» текстов – суть их неравенство, поскольку сама по себе динамика не позволяет установить четкие критерии для сравнения [2: 17]. При этом передача норм языка оригинала минимизируется, читатель принимающей культуры не чувствует, что это перевод [17: 166].

Введение Ю. Найдой понятия «динамическая эквивалентность» ознаменовало в теории перевода ориентацию на читателя, или ориентацию на принимающую культуру при переводе. Однако достижение эквивалентного эффекта зачастую представляется невозможным, к тому же его очень сложно измерить и описать, особенно если нормы языка оригинала и языка перевода сильно отличаются друг от друга [14: 6–7].

П. Ньюмарк отрицает подход Ю. Найды, основанный на ориентации на читателей принимающей культуры. Он подчеркивает, что слишком большие различия между языком и культурой оригинала и языком и культурой перевода всегда будут представлять трудности при переводе [16: 38]. Для преодоления этих различий П. Ньюмарк предлагает заменить традиционные термины «буквальный/вольный перевод» на термины «семантический» и «коммуникативный перевод». *Коммуникативный перевод* заключается в том, что переводчик пытается произвести на читателя перевода такой же эффект, как и автор на читателя оригинала. *Семантический перевод* заключается в том, что переводчик пытается как можно ближе передать семантическую и синтаксическую структуру языка оригинала, а также контекстуальный смысл оригинала. Следует отметить, что понятие «коммуникативный перевод» схоже с понятием «динамическая эквивалентность» Ю. Найды, а понятие «семантический перевод» с понятием «формальная эквивалентность». Однако П. Ньюмарк считает, что в большинстве случаев невозможно достичь эквивалентного эффекта, и критикует понятие «динамическая эквивалентность», так как

считает, что в этом случае читателю «все преподносится на блюде и все подробно объясняется».

Фактически историю теории перевода можно представить как меняющиеся отношения между двумя следующими категориями: «эквивалентность» и «функциональность». Однако стоит отметить, что они вполне могут сосуществовать в качестве равных возможностей, зависящих от различных факторов, а не взаимоисключать друг друга. «Эквивалентность» понималась как «точность», «адекватность», «правильность», «соответствие», «идентичность» или «верность оригиналу», «функциональность» – как потенциал переведенного текста производить разные эффекты (социальный, культурный и т.д.), а также способствовать развитию языка и культуры [20: 5]. Понятие «функциональность» достаточно широкое, оно показывает, как переведенный текст связан с принимающим языком и культурой, именно здесь преодолевается узость и жесткость лингвистического подхода. В 1960-е и 1970-е гг. возможность появления различных вариантов перевода была ограничена требованиями лингвистической эквивалентности, а функционализм рассматривался как решение для выхода из теоретического тупика, так как невозможно было описать отношения эквивалентности для каждого типа текста и каждой переводческой ситуации; в 1980-е и 1990-е гг., при доминировании функционализма, понятие «эквивалентность» было пересмотрено, стали учитываться те факторы, которые раньше считались девиациями текста оригинала.

Впоследствии понятие «эквивалентность» стало рассматриваться не только с лингвистической, но и культурологической, прагматической точек зрения, хотя «различная эквивалентность» – понятие не вполне логичное, поскольку вариативность эквивалентности означает лишь наличие переводческих позиций.

Немецкие теоретики перевода, А. Нойберт и Г. Егер, выдвигают идею «коммуникативной эквивалентности» и коммуникативной значимости текста [3: 149], которая учитывает концепцию языковой эквивалентности, однако А. Нойберт в отличие от Г. Егера помещает «коммуникативную эквивалентность» в более широкий контекст социального взаимодействия, осуществляемого средствами текстового взаимодействия [15: 143]. Коммуникативная эквивалентность – это характеристика текста перевода, предполагающая наличие в нём коммуникативной ценности, которая, не будучи полностью тождественной коммуникативной ценности текста оригинала, отвечает общим ожиданиям и информированности получателя-носителя переводящего языка. Коммуникативная эквивалентность исторична и связана с вербальным взаимодействием, а также – с целенаправленностью перевода.

На основе понятия «эквивалентность» А. Нойберт выделяет два вида перевода: «точный по образцу» и «точный по слагаемым». «Точный по образцу» (или прагматически адекватный) реконструирует направленную прагматику «А» средствами ПЯ в прагматику «Б». При этом новый текст на ПЯ создается не просто посредством грамматико-семантической

замены, а посредством прагматической реконструкции. Переводчик должен стремиться к такой прагматике, которая лучше всего служит достижению целей перевода. «Точный по слагаемым перевод» (или перевод полностью адекватный по отношению к ПЯ) напрямую перенимает все отношения и все правила, характерные для ИЯ [8: 196]. По сути дела такой подход задает возможность вариативных отношений в переводе.

В зависимости от типов прагматических отношений А. Нойберт выделяет четыре типа перевода:

- тип 1 – у текстов ИЯ и ПЯ сходные цели, которые основаны на общих или потенциально общих потребителях. Текст ИЯ не предназначен специально для аудитории ПЯ (научная, техническая литература, тексты рекламы и т.д.);
- тип 2 – текст ИЯ содержит информацию, отвечающую специфическим требованиям аудитории ИЯ в конкретной ситуации, специфический текст ИЯ (тексты законов, листовки, местная пресса, литература по общественной, политической, экономической тематике);
- тип 3 – тексты художественной литературы. Эти тексты возникают и интерпретируются в определенной общественной ситуации, они оказываются вне времени и обретают ценность для всех людей, при этом не утрачиваются национальные особенности ИЯ и его специфика;
- тип 4 – эти тексты вытекают из потребности информировать аудиторию ПЯ о событиях в сфере ИЯ или в сфере ПЯ, но с точки зрения аудитории ИЯ (литература для зарубежных стран) [8: 197-198].

Эта классификация типов перевода основана на типе текста и в ней утверждается, что каждый тип текста должен переводиться по-разному, с учетом его специфики. Эта идея, выдвинутая А. Нойбертом, предполагает вариативность и наличие переводческой позиции, которая уточняется в зависимости от типа и жанра текста. А. Нойберт тесно связывает эквивалентность с моделями поведения, социальным окружением и социальными функциями: текст и его перевод выступают в виде сложного поля социального взаимодействия, в котором каждый переведенный текст «отражает новую версию социальной жизни...» [15: 145]. Этот подход является в большой степени социологическим и применим к дискурсу вообще, а не только к художественному переводу, при этом текст оригинала полагается фактором принимающей культуры и рассматривается с ее точек зрения, оснований и критериев.

Рассмотрев понятие эквивалентности в рамках функционального подхода, Дж. Кэтфорд отметил, что показателем адекватности (эквивалентности) двух текстов является возможность взаимной замены этих текстов в определенной ситуации. Дж. Кэтфорд считал основным понятием в своей теории эквивалентности понятие «текстовый переводческий эквивалент» (a textual translation equivalent). Автор концепции дал следующее определение этому понятию: «текстовый переводческий эквивалент» – это любое проявление функционирования ПЯ (текста или его части), которое выступает как эквивалент данному

проявлению функционирования ИЯ (текста или его части) в определенной ситуации [5: 98]. Дж. Кэтфорд также отмечает, что рассмотрение перевода исключительно как «трансформации или перекодирования» может быть полезным только для машинного перевода, по крайней мере, в его примитивной форме, где основная задача – установить алгоритмы, которые давали бы более или менее понятные переводы. Однако для более глубокого понимания переводческого процесса точка зрения на перевод как на «перекодирование» не является плодотворной.

Критерием эквивалентности текстов, согласно Дж. Кэтфорду, является равноценность ситуации, чаще всего ее следует искать в культуре. Сопоставление оригинала и перевода должно происходить на уровне широких тематических связей с учетом аналогичных реалий и аналогичных поворотов темы, в аналогичных психологических отношениях, ассоциациях, в подходе писателя и переводчика к одной и той же ситуации и т.д. Тем самым речь идет уже не о собственно лингвистическом, а о социокультурном контексте. Такой подход к эквивалентности означает не что иное, как обоснование вариативности как возможности существования в культуре множества зачастую совершенно разных переводов одного и того же текста. Таким образом, Дж. Кэтфорд определяет эквивалентность с культурологических позиций, принимая в расчет и психологические факторы. Следует подчеркнуть, что понятие эквивалентности у Дж. Кэтфорда слишком широкое, при подобном понимании слишком сложно выделить ее критерии и применить их к конкретным текстам.

Рассматривая проблемы эквивалентности перевода и оригинала и причины возникновения нескольких вариантов перевода одного и того же текста, С. Росс [18] указывает, что недостаточно передать в переводе намерение автора, поскольку в этом случае пришлось бы признать, что может существовать лишь один правильный перевод. На самом деле перевод отражает понимание переводчиком оригинала, а всякое понимание – это одно из возможных толкований текста на основе внешних факторов. Речь может идти лишь о подобии перевода оригиналу, которое допускает следующие трактовки.

1. Существует какое-то единое произведение, заключенное в тексте и выводимое из текста или из намерения автора. Если переводчик правильно его интерпретирует, то и перевод может быть объективно верным – этот подход и отражает суть теории эквивалентности.

2. Перевод – это сложный процесс, протекающий под воздействием множества факторов. Передать эквивалентно всё, содержащееся в оригинале, невозможно. Необходим выбор, а отсюда и принципиальная множественность решений, что и задает вариативность и позиционность, а также наличие нескольких вариантов перевода.

3. Перевод – это эвристический процесс, попытка перебросить мост между различными эпохами и мирами. Поэтому объективного перевода не бывает, в лучшем случае достигается удачное раскрытие различия миров. С этой точки зрения, перевод – это один из возможных миров, которых может быть множество, как и множество различных вариантов переводов

художественного текста. Согласно этому положению допускается и объясняется наличие множества вариантов перевода текста, которые сосуществуют в принимающей культуре, а мировая переводческая деятельность в области художественного текста показывает, что переводов одного и того же, а особенно культурозначимого текста может быть и реально бывает много.

4. Перевод – это различные формы высказываний об оригинале, которые стоят к нему в отношении «много к одному». Нет совершенного перевода, но перевод может быть великолепным или неудачным по определенным критериям [18: 15].

С. Росс использует только понятие «эквивалентность», но работает не в лингвистической, а в деятельностной парадигме. Автор этой концепции предлагает сравнивать эквивалентность перевода с отношением между объектом и его живописным изображением. Изображение, например, человека зависит от выбора, который художник делает из многочисленных факторов, и поэтому оно бесконечно множественно.

Также как и Дж. Кэтфорд, работая в рамках функционального подхода, Дж. Хаус считает, что при переводе текст на одном языке заменяется функционально эквивалентным текстом на другом языке [12: 97]. В своей теории Дж. Хаус максимально учитывает культурологический фактор и вводит понятие «культурного фильтра». Функциональная эквивалентность включает в себя два вида перевода: «скрытый» (covert) и «открытый» (overt) перевод, которые выделяются в типологии текста, ориентированной на исходный текст.

Открытый перевод функционирует в принимающей культуре, по своей структуре он очень напоминает цитату, он эквивалентен оригиналу на всех уровнях языка, по регистру и жанру. Скрытый перевод имеет в принимающей культуре статус оригинала, прагматически он вообще не считается переводом. Оригинал не считается характерным только для передающей культуры. Чтобы достичь этой «оригинальности» в скрытом переводе, переводчик использует «культурный фильтр» (Дж. Хаус). Таким образом, «культурный фильтр» – это средство, с помощью которого переводчик компенсирует отсутствующие в принимающей культуре особенности культуры оригинала. Переводчик в этом случае смотрит на текст оригинала глазами читателя принимающей культуры.

Работая в рамках культурологического подхода и максимально учитывая в своей теории фактор культуры, Г. Тури утверждает, что нормы определяют тип и степень эквивалентности, выраженной в конкретном тексте перевода. Эквивалентность может касаться любого типа отношений, которые характеризуют перевод при определенных обстоятельствах [19: 74]. Это утверждение подразумевает либо то, что эквивалентности не существует вообще, либо то, что это очень расплывчатое понятие. Г. Тури определяет эквивалентность как функционально-относительное понятие, а именно тот набор отношений, с помощью которого можно различить подходящие и не подходящие для данной культуры способы перевода. Весь набор возможных отношений составляет потенциальную

эквивалентность, т.е. нечто сугубо теоретическое, учитывая тот факт, что понятие лингвистической эквивалентности не всегда работает на практике, так как даже при соблюдении критериев эквивалентности перевод не всегда понятен читателям принимающей культуры.

А. Лефевр (A. Lefevere), один из основателей распространенного в западноевропейском переводоведении лингвокультурологического подхода к переводу («Translation Studies»), придерживается совершенно иной точки зрения. Он считает, что перевод – это переписывание текста оригинала. Задавая переводческим исследованиям культурно-историческую перспективу, А. Лефевр подчеркивал, что переводчик является деятелем, а перевод – это не вспомогательная (и поэтому подчиненная) и не самоценная деятельность, а деятельность, которая приводит к формированию и обогащению культур (см.: [1: 131]). Действительно перевод – это одна из форм создания новых текстов, т.е. переписывание. Каждое переписывание, с какой бы целью оно не предпринималось, отражает определенную идеологию и поэтику автора оригинала, кроме того, функционируя в художественной литературе, а через нее и в обществе, перевод как переписывание управляет литературой, влияет на выбор ею новых тенденций. Перевод как «переписывание заставляет литературу функционировать в определенном качестве в определенном обществе». При этом об эквивалентности перевода и оригинала на лингвистическом уровне речь не идет.

Одно из первых определений «перевода как переписывания» принадлежит еще Святому Августину. Когда Августин столкнулся с тем, что некоторые страницы текста Библии не вполне соответствуют той модели поведения, которую требовала от своих последователей церковь, он предложил, что эти абзацы должны быть просто интерпретированы, «переписаны», и тогда они будут соответствовать учениям церкви. В похожей ситуации оказываются и многие современные переводчики. На их деятельность влияет тот факт, что они занимают определенное положение в определенном общественном институте. По мнению А. Лефевра, перевод как переписывание может иметь идеологические стимулы или продуцироваться в рамках определенной идеологии в зависимости от того, согласен ли переводчик с доминирующей идеологией своей эпохи или нет, или поэтические стимулы и продуцироваться в рамках определенной поэтики [14: 7].

На процесс перевода, в результате которого литературное произведение принимается или не принимается в другую культуру, влияют следующие факторы (их также можно назвать факторами, которые допускают и объясняют вариативность перевода): власть, идеология, общественные институты, поэтика. Переписывание занимает среди этих факторов немаловажное место. «Переписывающие» существовали всегда: начиная с греческих рабов, которые собирали антологию классической греческой литературы, и заканчивая современными переводчиками, пытающимися ввести оригинал в принимающую культуру. Их роль изменилась по двум причинам: по крайней мере, в Западной цивилизации

заканчивается начавшийся в середине XIX в. период, когда книга занимала центральное место в обучении и передаче ценностей и имел место разрыв между литературой «высокого» и «низкого» уровня, что привело к появлению переписывания «высокого» и «низкого» уровня. Непрофессиональный или не очень образованный читатель не читает литературу, написанную оригинальным автором, он читает перевод, сделанный как переписывание.

Авторы перевода-переписывания создают для своего читателя образ писателя, произведения, жанра, иногда даже литературы в целом. Эти образы существуют бок о бок с реальными образами и даже соперничают с ними. С помощью перевода-переписывания можно спроецировать образ автора и/или его произведения в другую культуру, выводя этого автора и/или его произведение за рамки передающей культуры. В этих утверждениях содержится предпосылка объяснения перевода как позиционной деятельности. «Переписывающие» переводчики в какой-то степени адаптируют тексты оригинала и манипулируют ими, в основном для того, чтобы эти тексты лучше вписывались в доминирующее идеологическое или поэтическое течение эпохи. Писатель (автор оригинала) часто находится в оппозиции доминирующей в культуре перевода идеологии, а переводчик (переписывающий) адаптирует произведение в рамках доминирующей идеологии [14: 15].

Встречаются и другие взгляды на проблему адекватности, когда она не учитывается вовсе, и эта точка зрения находится в рамках развиваемой нами идеи вариативности перевода. Нельзя утверждать однозначно, что перевод должен кардинально отличаться от оригинала, это далеко не всегда является оптимальным подходом, однако многовековой опыт переводческой деятельности и появления новых переводов одного текста наводят на мысль, что вариативность перевода и перевод с точки зрения осознанной переводческой позиции, а не только стремление к адекватности, являются мотивом возобновления переводов и появления все новых вариантов одного и того же текста. В некоторых случаях, особенно в литературном переводе, задача переводчика состоит не в том, чтобы в неизменном виде передать текст оригинала на языке перевода, а в том, чтобы расширить текст оригинала, развить его. С этой точки зрения перевод не может быть рассмотрен как система трансформаций и замен разноуровневых единиц одного языка единицами языка перевода, так как он является полноценной речевой деятельностью на языке перевода, при которой в тексте перевода опредмечиваются те же смыслы, что и на языке оригинала. Понять, что ускользает или было упущено в том или ином переводе, возможно при условии понимания, восстановления переводческой деятельности и техники по вычленению смыслов.

В лингвистических теориях не всегда учитываются или полагаются не очень важными экстралингвистические факторы. Поскольку эти факторы были «экстра» лингвистическими в рамках лингвистической теории перевода, они не предусматривались и рассматривались как «помехи», а не как существенное обстоятельство организации переводческой

деятельности. Однако зачастую именно от этих факторов и зависит, каким будет перевод. Такое положение вещей обусловлено тем, что лингвистическая теория перевода изначально возникла и развивалась как теория, рассматривавшая перевод как замену одного текста другим, а путь к этому лежит через замену фрагментов текста на одном языке соответствующими фрагментами текста на другом языке. Там, где не удастся найти достаточных и оптимальных эквивалентов, предлагается система трансформаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галеева Н.Л. А. Лефевр и современное лингвокультурологическое направление в теории перевода «Translation Studies» // Вестник Тверского государственного университета. – Серия Филология. – 2006. – № 2 (19). – Вып. 5 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 130–141.
2. Галеева Н.Л. Способы освоения мира западной и восточной лингвокультурами // Язык и текст в парадигмах науки и культуры / Отв. ред. Н.Ф. Крюкова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – С. 12–19.
3. Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / Под общ. ред. В.Н. Комиссарова. – М.: Высшая школа, 1978. – С. 137–155.
4. Казакова Т.А. Художественный перевод. – СПб., 2002. – 267 с.
5. Кэтфорд Дж. Лингвистическая теория перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / Под общ. ред. В.Н. Комиссарова. – М.: Высшая школа, 1978. – С. 91–113.
6. Михайлов М.М. Двухязычие и взаимовлияние языков. – Чебоксары, 1990. – 356 с.
7. Найда Ю. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / Под общ. ред. В.Н. Комиссарова. – М.: Высшая школа, 1978. – С. 114–137.
8. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / Под общ. ред. В.Н. Комиссарова. – М.: Высшая школа, 1978. – С. 185–201.
9. Рецкер Я.И. Перевод и переводческая практика. – М.: Междунар. отношения, 1974. – 216 с.
10. Смирнов А.А. Тезисы к докладу А.А. Смирнова. Задачи и средства художественного перевода. – М.: Радуга, 1935. – 33 с.
11. Чеснокова М.С. Способы восстановления метафорических тропов в автопереводе: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2003. – 196 с.
12. House, J. Universality versus culture specificity in translation // Translation Studies / Ed. by S. Holmes. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – P. 32–43.
13. Lefevere, A. The Gates of Analogy: the Kalevala in English // Bassnett, S. & Lefevere, A. (Eds.). Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. – Clevedon etc.: Cromwell Press, 1998. – Pp. 76–89.
14. Lefevere, A. Translation, rewriting and the manipulation of literary fame. – London: The Cromwell Press, 1992. – 169 p.
15. Neubert, A. Text und Uberetzung. – Leipzig: Enziklopaedie, 1985. – 168 S.
16. Newmark, P. Approaches to translation. – Oxford: Pergamon, 1981. – 240 p.

17. Nida, E.A. Toward a science of translating. – Leiden: Brill, 1964. – Pp. 182–192.
18. Ross C.D. Translation and similarity // Rose, C.D. (Ed.). Translation Spectrum. – Albany, 1981. – Pp. 13–25.
19. Toury, G. Translation, literary translation and pseudotranslation // Comparative Criticism. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – Vol. 6 –Pp.73–85.
20. Venuti, L. The translation studies reader. – London: Routledge, 2004. – 541 p.
21. Vermeer, H. J. & Reiss, K. Grundlegung einer allgemeinen Translation Theory. – Tübingen, 1963. – 357 S.

А.А. Залевская

ЕДИНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА ЧЕЛОВЕКА
(к уточнению понятия)

*«... пример предрассудка мы видим в
понятии о слове. Обыкновенно мы рассматриваем
слово в том виде, как оно является в словарях.
Это все равно, как если бы мы рассматривали
растение, каким оно является в гербарии, то есть
не так, как оно действительно живет, а как
искусственно приготовлено для целей познания»
(А.А. Потебня)*

В ходе разработки психолингвистической теории **слова как достояния индивида** и выявления принципов организации «внутреннего лексикона» мною более сорока лет тому назад в публикации [1] было введено понятие единой информационной базы человека, трактуемой в качестве *самоорганизующейся функциональной динамической системы* – совокупного продукта переработки разнообразного (в том числе речевого) опыта индивида.

Рассматриваемая база была названа *информационной* не только из-за популярного в то время общенаучного информационного подхода, но прежде всего благодаря тому, что этот термин должен был передать идею аккумуляции *всего познаваемого* человеком как представителем вида и членом определенного социума через его контакты с естественным и социальным окружением и *перерабатываемого* механизмами психической деятельности индивида, т.е. не просто *узнаваемого*, а *постигаемого* и личностно *переживаемого* при постоянном взаимодействии *перцептивных*, *когнитивных* и *аффективных* (эмоционально-оценочных) процессов.